Машеров: "Теперь я знаю..."

Александр Леонович Петрашкевич

SHOUT
SHARE
IT

•

Алесь ПЕТРАШКЕВИЧ

ПЕТР МАШЕРОВ: "ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ..."

Из документального повествования

Об этом неординарном человеке написано немало, но правдивый облик его, как мне кажется, не раскрыт. Более того, фантазии одних создали из него почти святого от власти. Для других он бесспорный монумент советско-большевистского рыцаря без страха и упрека. Между тем, Машеров был сложной, неоднозначной, даже трагической фигурой. И - обыкновенным человеком, волею судьбы оказавшимся в обстоятельствах, когда не только история творит личность, но и личность историю.

Был ли он счастлив? Сомневаюсь. На таких властных высотах счастливыми могут быть лишь люди, не обремененные высоким интеллектом...

Судьба моя сложилась так, что я имел возможность более 20 лет наблюдать за Петром Мироновичем, притом лет 13 из них не со стороны, а как говорят, непосредственно. Согласитесь, что имею определенное право на свой взгляд, на свое мнение об этом человеке. Многие, кто был гораздо ближе к Первому, безусловно знают о нем больше, но сказать по какой-то причине не хотят. Я расскажу о том, каким его видел, каким он мне запомнился благодаря личным встречам, беседам, отношениям по службе, особенностям его характера. Полагаю, это окажется существенным дополнением к образу этого незаурядного человека.

Я видел, как счастлив был Петр Миронович, когда получил от "центра" огромные, как тогда казалось, деньги на так называемое "преобразование Полесья", а точнее - на его осушение. Каким растерянным и раздраженным он был, когда небольшая группка писателей и ученых выступила против тотальной мелиорации. Он недоумевал, как это образованные, интеллигентные люди не могут понять и принять того счастья, которое он несет людям извечно забитого Полесья, веками гниющего в болоте. Он был сконфужен, возмущен и разгневан на псевдонауку и ученых-мелиораторов, когда понял, что погиб целый край, его природе нанесен непоправимый вред, не получилось того эффекта, на который рассчитывали. А изувеченной оказалась не только

природа, но и уклад жизни полешуков, их традиционная культура, их мораль. Трещина, образованная гигантским плугом академика Мацепуры, оказалась глубже, чем рассчитывали энтузиасты "преобразования" и он, Машеров.

На одном из заседаний бюро ЦК, где рассматривались созданные проблемы Полесья, которые правильнее было бы назвать экологической катастрофой, Петр Миронович растерянно спрашивал:

- Что же это за мелиорация, уважаемые теоретики и практики, если в засуху на Полесье нет воды, а в дождливое лето ее больше чем надо? Я, вы, все намеревались мелиорировать земли так, как это было сделано в Голландии или Пруссии, а на поверку оказалось, что просто осушили, загубили целый край! Отсюда и засухи, и пожары, и паводки, и черные бури, и разорение людям, которые ждали от нас с вами своего мужицкого счастья, потому что веками сидели в болоте!

Другим разочарованием и скорбью был крах его же романтической идеи сплошного и быстрого переустройства села в масштабах всей республики. Из 33 тысяч населенных пунктов Беларуси более 30 тысяч были объявлены неперспективными, а примерно 2500-2700 должны были превратиться в агрогородки с приличными условиями существования. Чем не благородная идея? Но оказалось, что союзное государство на такие мелочи не могло раскошелиться. Были у него грандиозные затратные планы в космосе, на Луне, на Кубе, в Афганистане, на Ближнем Востоке, в Африке и бог знает где еще. Ассигнования центра (по сравнению с тем, что из республики выкачивалось) на грандиозное по масштабам переустройство крестьянского быта и сельскохозяйственного производства были такими никчемными, что строительство нескольких образцово-показательных центральных усадеб колхозов и совхозов, вроде "Вертелишек", затягивалось на десятилетие. А поскольку так называемым неперспективным поселкам, деревням и селам было запрещено всякое развитие, они довольно скоро зачахли и обезлюдели. Молодые стали разбегаться, кто куда мог: в города и райцентры, на "новостройки коммунизма", на лесоразработки Севера и Востока и особенно на нефтепромыслы Сибири. А что им еще оставалось делать в родных, обреченных на вымирание деревнях, где ликвидировались за ненадобностью начальные школы, "укрупнились" библиотеки и клубы, закрылись фельдшерские пункты и магазины? Даже зажиточный мужик, не говоря уже про вдову или ветерана-инвалида, не мог, не имел права не только построить новую хату, но и отремонтировать старую, обновить крышу, поставить новый забор.

Через 10 лет такой неперспективной жизни тысячи деревень опустели и зияют сегодня черными дырами гнилых оконных проемов. Исправить, восстановить, отстроить все это уже никто не сможет, ибо уже некому. Эти удручающие пейзажи довелось увидеть и самому Петру Мироновичу. Наверно, они производили на него, как и на всех нас, гнетущее, страшное впечатление.

Когда однажды у нас зашел разговор о пьесе Андрея Макаенка "Таблетку под язык", Петр Миронович с сожалением сказал, что драматург остановился на полдороге, словно испугался чего-то страшного и для себя, и для нашего села.

- Подумаешь, молодежь бежит из деревни! На то она и молодежь, чтобы искать, где лучше. Вот когда вся разбежится, - бросил он очень зло, - может, тогда там, - и показал на потолок своего кабинета, - поймут, что без сильного, богатого села мы вообще погибнем.

Очевидно, осознав ситуацию, в которую попал с перестройкой села, грустно заметил:

- Оценив те крохи, которые выделяются из союзного бюджета, я понял, что нам придется 50-60 лет перестраивать наши деревни. А за это время в неперспективных должно родиться и умереть целое поколение моих соотечественников...

После этих слов он закурил, долго молчал. Я уже знал, что в такие минуты лучше оставить его одного. Можно только догадываться, какие думы одолевают его.

Может, кто-нибудь и слышал от П. М. Машерова слова раскаяния в том, что именно в годы его правления в белорусской столице были закрыты последние белорусские школы. Мне слышать этого не довелось. На чужом, хотя и близком языке функционировали все высшие и средние учебные заведения, вся партийно-государственная машина. При нем почти все газеты были переведены на язык метрополии, а тиражи белорусских книг удерживались в мизерном проценте от тиражей на русском языке, в престижные правительственные концерты попадали лишь этнографические национальные "вставки" и т. д., а уж это мне известно доподлинно. Пожалуй, Петр Миронович, при всей его образованности и интеллигентности, разделял идею слияния всех языков в один великий и могучий, а культуру будущего представлял в виде некоего конгломерата культур, сперва обогащающих друг друга, а потом и вовсе сливающихся в нечто одно грандиозное. А может, и он понимал абсурдность происходящего и ждал времени, когда там, наверху, пройдет одурь?

Как-то в одной беседе, связанной с проблемой национальной культуры и культуры вообще, Петр Миронович сказал:

- Когда я услышал слова Никиты Сергеевича о том, что для полного счастья народу нужны сало и колбаса, то понял, что это конец всему. И захотелось бросить все к чертовой матери и уйти куда-нибудь, чтобы и не слышать, и не видеть, - Придерживая сигарету под столом и туда же выпустив дым - была у него такая привычка не дымить собеседнику в лицо, - добавил: - А на кого бросишь? И кто после тебя придет. И как поднимет, и поднимет ли вообще то, что ты бросил...

Годы и события подтверждают, что видел он глубоко и далеко.

Очень интересно было наблюдать за П. М. Машеровым на заседаниях бюро ЦК. На разных съездах, пленумах, партийно-хозяйственных активах он был весьма официален, строг, даже недоступен. А на заседаниях бюро, так сказать, в узком кругу единомышленников и соратников, становился самим собой, хотя свой актерский талант эксплуатировал вовсю. Среди своих ярко проявлялись его остроумие, юмор, даже язвительность, а иногда и жесткость, если того требовала ситуация. Первый он и был Первым. Жестоким и по-настоящему злым я его не видел, за исключением одного случая, но об этом ниже.

Встреч были десятки, особенно во время моего заведования отделом культуры ЦК, а возможностей наблюдать и слушать непосредственно - многие сотни. И оставив ЦК, я имел возможность встречаться с Петром Мироновичем не раз и чаще всего по делам Энциклопедии, во время разработки концепции, жанра и структуры 140-томной историко-документальной хроники Беларуси "Память".

Из сценок на заседаниях бюро ЦК приведу только одну. Обсуждался вопрос о провале строительства и срыве сроков ввода в строй какого-то очень важного объекта, а какого - не называлось. Скорее всего, это был военный объект особой важности, которыми довольно густо была нафарширована земля белорусская. Отчитывался министр строительства Архипец - опытный, битый, стреляный воробей, который не только проваливал, но и много возводил хорошего и основательного. Однако то, что случилось с объектом "икс", выходило за рамки обычных провалов, и выволочку получил сам Первый от московских первейших. По серьезности, напористости и язвительности доклада Петра Мироновича это чувствовалось.

- Вы, уважаемый министр, подвели не только себя, но и всю Республику и меня тоже. А я вам верил! Я вас всегда поддерживал и защищал! А вы меня просто предали, дорогой товарищ Архипец! И я вношу предложение: за срыв сроков ввода в строй объекта особой государственной важности не только снять вас с

должности министра, но и исключить из партии. В другие времена за такой провал вы и я заплатили бы жизнью!

В зале стало очень тихо. Как-то совсем сник и вобрал голову в плечи министр. Машеров неожиданно сел и попросил членов бюро высказаться и дать объективную оценку позорному факту. И они высказались, словно были не членами партийного комитета, а судьями трибунала. Оценки их были намного более суровыми и жесткими, чем у докладчика. И понятно, все присоединились к предложению Первого о снятии Архипца с работы и безусловном исключении из партии. Молчала только кандидат в члены бюро Н. Л. Снежкова - заместитель председателя Совета Министров.

- Прошу вас, Нина Леонтьевна, хотя вы имеете совещательный голос, - как-то непривычно сурово сказал П. М. Машеров.

- Я против таких жестких санкций, - сказала Нина Леонтьевна и села.

Удивленно и недовольно загудели члены бюро. А потом опять установилась напряженная тишина. Петр Миронович воспользовался ею и голосом человека, который сомневается, сказал:

- А может, мы, мужики, действительно перегибаем палку? И Архипец не один виновен в том, что случилось, - нажал он на слово "один". - И где раньше были члены бюро, которые со мной так легко согласились? - И он сдержанно улыбнулся. - И вообще, стоит ли нам так легко разбрасываться такими коммунистами?

Члены бюро были в растерянности. И тогда Машеров внес новое предложение: Архипца от должности отстранить, но в партии оставить. Члены опять согласились, а Снежкова снова спокойно сказала:

- Я против. У министра есть еще возможности исправить положение. Бюро могло бы, как мне кажется, ограничиться объявлением выговора с занесением в учетную карточку.

Архипец поднял голову, внимательно обвел взглядом присутствующих, но от каких-либо слов воздержался, хотя и повеселел.

- Тогда дадим последнее слово обвиняемому, - сказал Петр Миронович мягким благожелательным голосом и не без хитринки посмотрел на членов бюро.

Архипец тяжело поднялся с кресла и после длительной паузы глухим голосом, с хрипотцой, проговорил:

- У меня завтра день рождения и дата красная, а вы, вместо того, чтобы мне орден вручить, с работы снимаете... с выговором.

Он не успел договорить, потому что Машеров громко и озорно рассмеялся, а посмотрев на растерянных и

обескураженных членов бюро, спросил:

- А может, нам ограничиться обсуждением, если Нина Леоновна снимет свое предложение насчет выговора?

- Я свое сниму, если вы свое оставите, последнее.

Теперь уже смеялись все, хотя и не все, пожалуй, догадывались, что Первый преподнес им наглядный урок порядочности, когда решалась судьба человека, и не просто человека, а их коллеги и товарища.

Видел я Петра Мироновича и в ярости - при рассмотрении чрезвычайной ситуации, связанной с массовыми пожарами на Полесье. Министерство внутренних дел скрывало информацию об этом, молчали областные и районные начальники. Выяснилось все очень неожиданно, когда Петр Миронович нарушил ранее намеченный маршрут и вертолет его наведался на Полесье. Он был буквально потрясен разгулом огненной стихии. Горели леса, поля, торфяники, сенокосы - все, что могло гореть.

- Я сниму с вас вместе с генеральскими погонами и штаны с лампасами! - выговаривал он министру внутренних дел.

Но, как говорят, гора родила мышь.

Генеральские погоны остались у министра на плечах, а штаны на том месте, где им и надлежит быть. Гроза утихла, а сильные дожди погасили пожары. А что сгорело, то сгорело. Оно и сейчас горит ежегодно. И звезд на погонах генералов и полковников от того не уменьшается, а даже наоборот...

Щедро сыпались звезды-звания и на минских архитекторов, которые, строя новую столицу, разрушали и крушили все то, что было возведено за четыре-пять веков до них и что пощадила война. Уничтожались целые улицы старой застройки, взрывались церкви, костелы, и даже первый городской театр, стоявший на площади Свободы, пошел под бульдозер. Кажется, это была последняя жертва большевистской глупости, которую поднес Молоху секретарь ЦК Барташевич, одолев в этом постыдном деле секретаря ЦК Кузьмина, отстаивавшего театр. Но это случилось уже после П. М. Машерова. При нем и с его согласия вандалы разрушили старую Немигу - единственную историческую сплошную застройку, уцелевшую после всех войн. Никто не посчитался, что во время немецко-фашистской оккупации здесь было еврейское гетто, что именно отсюда ушли на смерть к знаменитой "яме" десятки тысяч людей. Разрушена была и самая старая синагога Минска. Теперь на ее руинах стоит высотное здание проектного института, придавившее своей массивностью два православных и один католический храмы. А что же Немига? А ничего человеческого. Была улицей, стала чем-то непонятным. И кто знает, что еще будет "возведено" по другую сторону

несуразного торгового монстра... Одно ясно: воссоздавать Немигу, как в Варшаве воссоздали "старо място" уже никто и никогда не будет.

Разрушение Немиги буквально потрясло творческую и научную интеллигенцию города. Первое письмо-протест в ЦК пришло от ученых Института физики Академии наук. Его подписали более 150 человек. Потом такие письма пошли косяками. Все они накапливались у меня, а я не знал, что с ними делать, потому что был согласен с их авторами. Не помню теперь - то ли непосредственное начальство меня подставило, то ли я по собственной инициативе попал под руку Петру Мироновичу с этими письмами.

- Пусть физики занимаются физикой, а лирики лирикой, - недовольно и отчужденно сказал он. - А если кому-то из них жаль клоповника, пусть переселяется туда из своих шикарных квартир. (Видимо, он считал, что физики и лирики живут в шикарных квартирах.) Думаю, что жители Немиги возражать против обмена не будут. Так и скажите авторам этих писем.

С этим я и вышел. С авторами, конечно, не говорил. Письма списали, а Немигу превратили в руины. Там и фильм снимали "Руины стреляют в упор". Можно сказать: в упор стреляли по своему прошлому, по своей исторической памяти... Но то была киношная война, а не бой с Герострата́ми. Герострaты по тем временам ходили в героях, планировали новые подвиги.

Посягательство на Верхний город столицы "зодчие" обставили с помпой, с предварительной артподготовкой по начальству. В зале бюро ЦК были вывешены красивые рисунки и планы "реконструкции" Верхнего города. На широком столе стояли макеты этого города. На одном из планшетов огромных размеров была изображена лестница-спуск от Центральной площади до Немиги. Она впечатляла грандиозностью замысла.

Собрались отцы города, руководители столичной области и, ясное дело, "цвет" союза "зодчих". В зал вошли Петр Миронович и члены бюро ЦК. Настроение у него было превосходное.

Оно сразу же передалось другим. Главный архитектор города сделал блестящий доклад-представление проекта, его авторы выступили с содокладами. Основным "благородным" стремлением было желание "распахнуть", как они говорили, Центральную площадь (сегодня Октябрьская) на пойму Свислочи, зеленую зону, Минское озеро, а главное - на застройку Парковой магистрали. Проекты застройки ее на то время уже были обнародованы. Архитекторы доказывали, что такой "распахнутой" площади нет нигде в мире, что это будет своеобразная смотровая площадка окружающего великолепия, которое они обещали создать. На

месте разрушенного Верхнего города планировали соорудить лестницу с фонтанами, "как в Петергофе".

Словом, "энтузиасты" смогли многим втереть очки. Без труда удалось им убедить и Петра Мироновича.

Над исторической реликвией столицы нависла смертельная опасность. Архитекторы бесцеремонно торопили начальство, всеми средствами пропагандировали "проект века". А в ЦК КПБ вновь начали идти коллективные письма-протесты интеллигенции против новой разрушительной акции. Это нервировало Машерова, но он не торопился отступить от своего решения снести Вехний город. Очень уж красивы были рисунки, подготовленные архитекторами. Поддержали идею заменить Верхний город лестницей с фонтанами и многие другие руководители республики и города.

И тут я пошел на авантюру. Нашел геодезиста и попросил его сделать нивелирные "прострелы" сквозь контур-схему Верхнего города с разных точек площади и даже с правительственной трибуны. Тот достаточно оперативно сделал планшет, из которого явствовало, что если разрушить Верхний город, то можно будет видеть только глухую стену соборного комплекса да трубу старой котельни Второй клинической больницы, что на улице Горького (теперь улица Максима Богдановича).

Прежде чем идти к Петру Мироновичу, зашел я с планшетом к Александру Трифоновичу Кузьмину - секретарю ЦК по идеологии. В разговоре почувствовал, что он разделяет и мою тревогу, и мою настырность. Чтобы не нарушать субординацию, я сообщил, что хочу показать Петру Мироновичу не только планшет, но и макет восстановленного и реставрированного Верхнего города, мастерски сделанный группой молодых архитекторов-энтузиастов, с описанием того, как отреставрированный Верхний город может быть использован в культурных целях.

Александр Трифонович был лаконичен:

- Хочешь свернуть себе шею, тогда иди, - и добавил: - Машеров не отступает от своих решений.

И я пошел... Петр Миронович с полчаса молча разглядывал то планшет, то макет. Курил одну сигарету за другой. А потом только и сказал: "Ну, ладно..."

Мой ли визит или что-то другое и более весомое повлияло на Первого, но он отступил от своего решения. Правда, уже после него Верхний город почти разрушили, а на Центральную площадь посадили "саркофаг", который и заслонил собой то, что от исторической застройки еще осталось.

Иной раз думаешь: если бы меньше боялись за свои головы и

должности, то многое удалось бы предотвратить, сохранить...

Кстати, о "саркофаге". Когда Петр Миронович охладел к идее "распахивать" Центральную площадь за счет разрушения Верхнего города, он поручил, отдельно А. Т. Кузьмину и мне, подыскать целесообразное и оправданное место для "посадки" Дворца Республики. Не сговариваясь, мы назвали одно и то же место - высотку между Парковой магистралью (теперь проспект П. М. Машерова) и Свислочью, где ныне высится памятник городу-герою Минску. Петр Миронович согласился, но, к сожалению, возвести здесь строение ему было не суждено. Центральную площадь загубил его преемник Т. Я. Киселев. Вкусы начальников неисповедимы, если не грех так переиначить афоризм из Священного писания.

Доступность, демократизм, рассудительность Петра Мироновича почти всегда позволяли решать с ним самые сложные вопросы и проблемы. Однако же не с каждым вопросом и проблемой можно было добежать до него. И тем не менее, занятый выше головы, он не закрывал свои двери наглухо. Наоборот, иной раз казалось, что он рад твоему приходу. Может, это шло от его воспитанности и интеллигентности, а может, и не только от этого. Однажды, когда я зашел с каким-то вопросом или за советом, он с тихой грустью сказал:

- Только что позвонил Гришин, член Политбюро, и попросил, очень настойчиво попросил, чтобы я прислал ему под Новый год девять тысяч молочных, выпотрошенных поросят... - И умолк, а потом с чувством, которое трудно описать, добавил: - И самое гнусное, что я пошлю ему этих поросяток... - И больше ни слова о той просьбе и только ко мне: - Что у тебя?..

Почему Петр Миронович мне сказал о тех поросятах и что у него было на душе в тот момент? Какие еще слова не слетели с уст? Я ведь знал о хозяйственности, бережливости, наконец, чувстве собственного достоинства этого человека, которому было нанесено оскорбление высокопоставленным, могущественным Хамом от верховной московской Власти.

Поросята - это лишь незначительный пример. Настоящий экономический грабеж усиливался из года в год. Москва требовала все больших и больших поставок мяса, масла, колбас, ветчины, фруктов, овощей, грибов, ягод и прочих разносолов. На полную мощность день и ночь работали заводы и фабрики Беларуси, чтобы вооружить и одеть Советскую Армию, которая к тому времени уже вляпалась в войну с Афганистаном и оказывала "интернациональную помощь" многотысячным контингентом пушечного мяса.

Требования дани от белорусского улуса были постоянными,

настойчивыми, наглыми, а иногда и предельно циничными. Чего стоит только тот неведомый мне фонд, из которого гастроном под тогдашней гостиницей "Беларусь" комплектовал подарки московскому высшему парт- и госчиновничеству, когда наше высшее парт- и госчиновничество ехало в белокаменную решать государственные вопросы.

Таких звонков от самых разных Хамов он, наверняка, имел немало. Власть была там. У нас была подмандатная территория и власть подмандатная. Его тонкая натура не могла этого не ощущать. Чувствовала, кажется мне, и страдала, лишенная каких бы там ни было перспектив на иное обхождение.

В конце 70-х все чаще и чаще можно было заметить плохое настроение, одиночество и подавленность Петра Мироновича. Он стал быстро уставать от собственных выступлений даже на бюро и небольших совещаниях, не говоря уже о длинных официальных докладах. Утомлялся быстрее, а говорил дольше. Некоторые мысли повторял несколько раз, будто не верил, что его услышали, поняли, приняли. Улыбка на красивом, но грустном лице появлялась не так часто, как раньше. Об этом стали поговаривать в аппарате: сдает, мол, Первый. Ни хорошего настроения, ни здоровья не прибавила и операция на почке. И все же, думается, не это было главной причиной его удрученности, а иногда и раздражительности. Причина была не столько в здоровье - мужество его не покидало - сколько в моральном терроре со стороны хамов из Политбюро. В ЦК КПБ ходили слухи, что его побаивается, а потому и не любит престарелый Генсек. Не исключено, что эти слухи рождались и в среде Политбюро, где каждый старец в перспективе видел себя Генеральным, "выдающимся деятелем современности" и "настоящим марксистом-ленинцем". Будто у нас были и могли быть не "настоящие" ленинцы.

Не секрет, что "любовь" престарелых членов Политбюро к своему более молодому коллеге вызвала у него адекватную реакцию. Например, Петр Миронович по возможности не принимал участия в делегациях ЦК КПСС в другие страны, - кто-кто, а уж он знал ограниченность руководителей этих делегаций. Они в свою очередь не стремились попасть в те делегации, которые возглавлял Петр Миронович, потому что рядом с ним чувствовали себя никчемностью. Свою неприязнь к "умнику" скрывали все, кроме Черненко. Но и он после обсуждения 6-томной истории Великой Отечественной войны, на котором Машеров сделал обстоятельный доклад-разбор издания с рядом критических замечаний и пожеланий, не удержался: "Машеров, как всегда, умничает". Можно только догадываться, что он вводил

в уши шефу и как характеризовал "умника" из провинции.

Рассудительность, ум и достоинство П. М. Машерова были, пожалуй, основной причиной того, что его так и не выпустили из кандидатов в члены Политбюро, хотя он возглавлял 600-тысячную партийную организацию и 10-миллионную республику. Здесь, надо думать, и причина того, что он последним из руководителей союзных республик получил звание Героя Социалистического Труда, хотя Беларусь занимала одно из первых мест в развитии экономики и научно-техническом прогрессе.

Как дерзкий вызов политике партии и правительства было воспринято членами Политбюро несогласие кандидата в члены Политбюро П. М. Машерова с их решением о вводе войск в Афганистан. Близкие Машерова помнят, что с того заседания Политбюро он вернулся буквально уничтоженным, раздавленным, несколько дней не мог прийти в себя. Брату Павлу Мироновичу в отчаянии только и сказал:

- Что они наделали? Они сами не понимают, что произошло! Все решили 2-3 человека. Остальных даже не спросили...

Теперь уже известно, что каждая поездка в белокаменную была для Петра Мироновича пыткой. Он хорошо сознавал, что непродуманная, а в ряде случаев абсурдная политика фактически остановила развитие страны, поставила ее на грань всеобщего кризиса. Не отсюда ли душевный надлом человека, который все это видел и понимал, но что-либо изменить или переиначить не мог.

Были у Петра Мироновича и личные травмы, которые не затягивались со временем. И были любители в этих травмах поковыряться, пустить сплетню, посеять какие-то сомнения относительно его особы, его репрессированного НКВД отца и убитой фашистами матери. Но он знал цену и этим сплетням, и этим сплетникам, но не мог опуститься до их уровня, чтобы что-то опровергать, мстить. О своем, как теперь говорят, имидже беспокоился. А его имидж был очень высок не только у себя в республике, но и в стране. Именно на его дискредитацию, видимо, и была сделана ставка, когда Политбюро направило Петра Мироновича на переговоры к Фиделю Кастро. Отношения с Кубой к тому времени были настолько испорчены, а поступки Политбюро в отношении "свободной территории Америки" были настолько непоследовательными и неразумными, что Великий Бунтарь века никого не принимал и никого не желал видеть из Союза ССР.

Ставка была беспроигрышной. Если дружественные отношения с Кубой удастся восстановить, тем лучше будет для

Союза. А если миссия Машерова провалится, то ему и будет хуже. По приезде на Остров Свободы ситуация складывалась не в пользу встречи с Фиделем. Все попытки были безрезультатны. Он отказывался встречаться с кем бы то ни было из советских. И только за считанные минуты до отъезда П. М. Машерова домой партизан и национальный герой Кубы Фидель Кастро согласился встретиться с партизаном и национальным героем Петром Машеровым. Ма встречу было отведено полтора часа. Проговорили партизаны более четырех. Было не только с блеском выполнено безнадежное поручение Политбюро, но и засвидетельствовано побратимство партизан-героев Петра и Фиделя. В этом убедилась вся страна, когда Кастро Рус нанес официальный визит в Беларусь.

Для души нашего Героя это была моральная победа. На некоторое время она отдаляла неизбежную расправу над "умником".

Давление, подножки, которые нередко граничили с провокациями, регламентация действий нервировали, беспокоили и злили Петра Мироновича, который не мог сделать шага, не согласовав его с Центром и его чиновниками. Власть держала марку.

Только один пример. Умер главный редактор Белорусской Советской Энциклопедии Петрусь Бровка. У Петра Мироновича было к нему особое отношение. Надо было как-то увековечить добрую память о Народном поэте и основателе энциклопедического дела в Беларуси. Мне, как заместителю П. У. Бровки, довелось писать проект предложений на этот счет. Написал я и о том, что стоило бы превратить Главную редакцию БелСЭ в издательство и присвоить ему название: Издательство Белорусская Советская Энциклопедия имени Петруся Бровки.

Петру Мироновичу понравилось такое предложение, но он без труда разгадал нашу "хитрость" - создать самостоятельное энциклопедическое издательство.

- Я согласен, что Главная редакция имени Бровки - действительно не звучит и даже унижает. Понимаю и то, что вы хотите вместо редакции, пусть себе и главной, создать самостоятельное издательство. Но мы не имеем права без Москвы создавать издательства. К сожалению, это их прерогатива. А если попросим - не позволят. Убежден, что не позволят... А вот если явочным порядком присвоим издательству имя Петруся Бровки, то, может, и не отменят нашего постановления. Может, и не простят самовольства, но смолчат. А Бровка есть Бровка, - рассуждал Петр Миронович вслух.

С таким расчетом и было принято решение о создании

издательства имени Петруся Бровки. Своеволие это вызвало неприкрытый гнев агитпропа ЦК КПСС, хотя "наезжать" на Петра Мироновича его руководители и не отважились. Огонь на себя принял А. Т. Кузьмин.

Какое там издательство?! Мы обычной брошюры, не говоря об энциклопедии, не имели права издать без благословения белокаменной. А разве только энциклопедии Беларусь не могла выпускать без "высочайшего" позволения? Проект топорища, лопаты или рецепт торта надо было согласовывать с союзными институтами. Можно догадываться, какие чувства вся эта придурь вызывала у руководителя "самостоятельной" Белорусской Советской Социалистической Республики. Многие цековцы знали, какие страсти-мордасти бушевали в ЦК КПСС после знаменитого V пленума ЦК КПБ, который обсуждал доклад П. М. Машерова о бедственном положении сельского хозяйства и его предложения о коренных изменениях подходов государства к этой отрасли народного хозяйства. Доклад занял в газетах несколько полос. Его фрагменты с комментариями были перепечатаны рядом зарубежных влиятельных газет, переданы иностранными радиостанциями.

А такие вещи Высшая власть не прощала никому.

Мне сегодня кажется, что от глупости своих московских шефов Петр Миронович спасался весьма обычными, человеческими, добрыми делами. На всех его не хватало, но отдельным людям все же повезло.

Однажды Петр Миронович признался:

- Прислал мне письмо русский поэт Виктор Боков. Мы с ним лично не знакомы, его поэзии я не знал. Довелось прочесть то, что нашли наши библиотекари. Поэзия оказалась просто отличной - глубокой, лирической, какой-то особо щемящей. Словом, взволновала по-настоящему. Давно не чувствовал такого душевного подъема. А может, хорошие стихи под настроение попали... И я решил написать письмо Бокову. Получилось оно довольно длинным - что-то вроде рецензии, только очень взволнованной. Когда остыл и перечитал - решил опус свой не посылать. Побоялся, что поэт может подумать: чего это он, партийный функционер, взялся мои стихи анализировать. Короче говоря, усомнился. А к тебе будет такая просьба... Боков пишет, что встретился ему где-то в тайге чрезвычайно интересный и талантливый художник. Корни его в Беларуси. Хотел бы вернуться на землю предков. Временно остановился в Минске. Просит найти ему хоть какой-то угол под жилье. Уверяет, что не пожалеем. Поэты - народ искренний. А такого уровня, как Виктор Боков, лгать не будет. Словом, найди художника, познакомься,

все изучи, потом впечатлениями своими со мной поделишься.

Отыскал я того художника. Оказался он очень молодым и довольно скромным парнем. Показал несколько своих работ и целый конверт слайдов произведений, оставшихся в Сибири. Те слайды я и принес Петру Мироновичу. Многое ему понравилось, что-то показалось незавершенным, эскизным, но интересным по замыслу... Решено было поддержать юношу и ходатайствовать перед горисполкомом об однокомнатной квартире. В скором времени удалось найти и мансарду для мастерской.

Прошло после этого месяца два-три, и пришел ко мне художник с небольшой картиной, окантованной простенькой рамкой. Назовем ее условно "Балерина перед выходом на сцену". Создатель и вознамерился подарить ее Петру Мироновичу. На добрую память.

Это уже было сложнее, чем добыть квартиру. Как Петр Миронович воспримет сам факт дарения? Не шуганет ли он меня вместе с художественным произведением? Я пошел на маленькую хитрость. Звоню Петру Мироновичу и говорю, что пришел боковский художник, интересную картину принес. Может, есть время посмотреть?

- Ты же меня не в картинную галерею приглашаешь. А на одну картину время найду. Заходи.

Я пошел один, прихватив картину.

- А где художник? - спрашивает.

- В приемной, - отвечаю и сразу показываю полотно, чтобы он на время забыл о художнике.

- Прекрасная работа. И девушка красивая, - И уже в восторге. - Умеют же люди подсмотреть такую красоту! И как подсмотреть!.. Талант! Безусловно - талант! Зови, я его поздравлю... Ей-богу, хорошая работа!

- Дело в том, - говорю, - что эту работу он хочет подарить вам... Но очень стесняется.

- Как подарить? - растерялся Петр Миронович. - Ты с этим не шути! Я в мастерских многих художников побывал, но такого не было...

- Ну, а этот сам принес, - пытаюсь я свести разговор к шутке. - Не возьмете - обидите парня. Он мне показался очень искренним и довольно робким. Не примет, говорит, Петр Миронович подарка, - сгорю от стыда.

- А ты сгореть не боишься?

Советуемся, как лучше поступить. Я убеждаю, что нет здесь ничего необычного. Человек хочет выказать свое уважение. И подарок сделан его собственными руками. Вижу, в такой ситуации Петр Миронович, пожалуй, никогда не был. И

принципов своих менять не хочет, и парня обидеть не хочет. Наконец, сдается на мои уговоры и сам идет в приемную, чтобы пригласить гостя. Слава богу, все заканчивается лучшим образом. Сегодня эта картина одиноко и сиротливо висит в одной из комнат его бывшей городской квартиры.

П. М. Машеров разбирался и в прозе, и в поэзии, и в опере, и в балете, и в живописи. Он не жаловался, как это делали его "наследники", на занятость государственными делами. Много читал, просматривал все фильмы нашей киностудии, не пропускал интересные спектакли, посещал все более или менее значительные выставки, искренне радовался удачам творческих людей. Накануне первого показа знаменитой серии картин Михаила Андреевича Савицкого "Цифры на сердце" позвонил мне по внутреннему телефону, сказал, что сейчас же едем во Дворец искусств посмотреть экспозицию выставки. Предупредил, что о поездке никто не должен знать. (О картинах ходило много досужих вымыслов, сплетен, и Петр Миронович никого лишнего не хотел видеть в зале.) Минут пять в зале не было никого, кроме искусствоведа Эммы Громыко. Петр Миронович поздоровался с ней, но просьбы провести экскурсию не высказал. От картины к картине шел один. К некоторым возвращался и опять шел дальше к новым полотнам, а их было больше десяти. В этот момент в зале появился один, а потом и второй художники , и еще один "любитель" изобразительного искусства из Института иностранных языков, который находится, как известно, в 3-5 минутах ходьбы от Дворца искусств. Петр Миронович недовольно поморщился. Видно, как раз их он и не хотел здесь видеть. Все трое бесцеремонно окружили его и начали давать уничтожающие комментарии работам Савицкого. Бестактность и некорректность "критиков" возмутила Петра Мироновича, и он резко прервал непрошеных собеседников:

- Благодарю! Как-нибудь сам разберусь, - и уже мягко и доброжелательно к Эмме Громыко: - А если не справлюсь, мне поможет вот эта милая женщина, - и взял ее под руку.

Критики, что называется, сразу "отвалили", а экскурсию-осмотр повела Громыко. Петр Миронович ничего у нее не спрашивал, не прерывал. Он только слушал и смотрел, смотрел и слушал. Видно было, что картины произвели на него сильное впечатление и по-настоящему взволновали.

- Наконец он вырвался. - И словно спохватившись: - Михаил Андреевич наконец вырвался. - И опять молчание.

А мне подумалось: кто же это сообщил тем двум художникам и "любителю" изобразительного искусства из Иняза, что П. М. Машеров поехал во Дворец искусств, если о том знали только он

и я. Даже охранника не было с нами...

Кстати, о личной охране Петра Мироновича. Никого, кроме полковника Сазонкина, обаятельного и доброжелательного человека и такого же обходительного его сменщика, при Петре Мироновиче не было, если не считать милицейского поста у подъезда дома, где жила семья кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Здесь уже была инструкция, и порядок той инструкции был не волен нарушать даже кандидат в члены Политбюро. Тем не менее Машеров часто не брал охрану ни в машину, ни в вертолет, из которого не вылезал весну, лето и осень, хотя к Сазонкину и его сменщику, их службе относился очень уважительно.

Все знали, что Первый - страстный футбольный болельщик, старался не пропускать ни одного матча с участием минского "Динамо". По-настоящему любил футбол, но не терял от него разума и приличия. Не делал из Беларуси футбольных Нью-Васюков. Встречался с игроками, но и не помышлял подсказывать тренеру, куда и кого поставить.

И еще у него была страсть, вернее - духовная потребность к общению с людьми творческой профессии - писателями, художниками, артистами. Когда брал меня на должность заведующего отделом культуры ЦК КПБ, просил делать для творческой интеллигенции хоть одно доброе дело в неделю.

Вызвался вместе с кинорежиссером Элемом Климовым, который собирался снимать фильм "Иди и смотри" по сценарию Алеся Адамовича, побывать в "партизанских" районах. Вертолет спокойно шел над озерно-лесными просторами партизанского края. Петр Миронович был в хорошем настроении, охотно и возбужденно рассказывал о боях, блокадах, победах и поражениях, пока не притомился - стрекотание мотора обременяло беседу. А когда вертолет попал под низкие дождевые тучи и земля окуталась серой пеленой, Петр Миронович замолчал, надел наушники и погрузился в какие-то свои невеселые думы. Приумолкли все, кто был в салоне. Я сидел напротив Петра Мироновича. В руках была любительская кинокамера. Когда начал накручивать пружину камеры, он бросил на нее взгляд. А я спросил глазами, можно ли мне его поснимать. Он понял мое намерение и только ресницами дал понять, что не возражает. Я не очень докучал ему, но то, что хотелось сделать, сделал. Мой Машеров получился совсем не похожим на того, которого мы видели на собраниях, митингах и демонстрациях. Жаль только, что моя лента по техническим причинам не может быть использована на широком экране.

Конечным пунктом нашего путешествия над партизанским краем были Витебские, а точнее - "Суражские ворота". В войну это

была широкая болотистая брешь в немецкой обороне, через которую партизаны ходили за линию фронта, а диверсионные группы из-за линии фронта - в партизанскую зону. Через эти же ворота спасались наши люди от плена и гибели. Было что рассказать киномастерам.

Местные жители деревеньки, которая лежала у тех "ворот", уже ждали гостя и собрались на ровной площадке, где должен был приземлиться вертолет. Народу было много, но в основном женщины и дети, и, конечно же, местное начальство. Как только высокий гость вышел из машины, моложавая женщина бросилась к нему и буквально повисла на шее. Росточком она была по плечо высокому Петру Мироновичу. Он слегка наклонился, а она торопливо начала целовать его в щеки, лоб. А потом прижалась головой к груди, затихла и плечи ее задрожали. Женщина плакала, смеялась и говорила очень взволнованно:

- Петенька, родненький, как же давно ты у нас не был!..

- Поэтому, как видишь, и прилетел на крыльях.

- А надолго ли? Может, заночевал бы?! Я надта ж доброй самогоночки выгнала, - и поперхнулась своими словам, когда услышала дружный хохот местных начальников, наблюдавших за происходящим.

- К сожалению, не надолго я, - с грустью сказал гость. - До захода солнца машина должна подняться в воздух. Такая у летчика инструкция.

- Хиба што инструкция, - как-то сразу поникла женщина.

- Ты не горюй, я в другой раз на самогонку загляну, - улыбнулся Петр Миронович, а нам пояснил, что Мария была партизанской медсестрой.

Я пожалел, что не взял в поездку профессионального кинооператора, надеялся, что у режиссера Климова будет свой. Такие случаи и сцены не повторяются.

Вообще же, Петр Миронович не любил кинотелевизионного сопровождения. И может, оттого, что знал и видел, как его коллеги по Политбюро пунктуально ведут свою собственную кинолетопись. Помню и основательную выволочку, которую я получил от него за то, что не обеспечил киносъемку посадки в самолет Гейдара Алиева, когда тот покидал Беларусь после торжеств, посвященных какому-то важному событию. Его помощник названивал мне после этого с полгода, пока я не собрал все фотоснимки и фотопленки, где был "запечатлен" Гейдар Алиев.

К большому сожалению, обычных, естественных, по-человечески теплых кинокадров о Петре Мироновиче осталось немного. А неповторимые и по форме, и по содержанию сюжеты

лежали, как говорят, на поверхности. Однажды, когда он собирался на вертолетную вылазку в район Полесья, я попросил разрешения направить туда "в засаду" кинооператоров. Он категорически запретил. А я не послушался и по маршруту его экспедиции устроил три засады. Один из трофеев той засады - кинокадры, где Петр Миронович на удивление ловко заматывает портянку и обувается в резиновые сапоги, чтобы вместе с полешуками пройти прокос через болотце... С этого болотца он и войдет в документальный фильм о себе.

Своеволие мое с засадами кинооператоров обошлось без выволочки, и осмелев, я попросил у Петра Мироновича разрешения "поснимать" юбилейное торжество, когда друзья, соратники и сослуживцы придут с цветами поздравить его с шестидесятилетием. Ответ был категорический: нет!

Показывая на цветы, которых в кабинете было уже довольно много, юбиляр сказал:

- Когда все это великолепие, всю эту красоту я перевезу в Дрозды и сделаю хорошую экспозицию, пришли своего оператора, пусть снимет. Цветы, увы, живут не долго...

- ...а среди цветов - вы с семьей, с внучками...

- Нет, - ответил он очень мягко.

Цветы были засняты. Пройдет около 20 лет, и я узнаю, почему Петр Миронович не захотел сниматься с семьей на их фоне. Посмотрев киноленту, на которой были засняты эти цветы, он сказал: "Теперь я знаю, как меня будут хоронить..."

К этим печальным и загадочным словам мы еще вернемся.

А накануне юбилея и долго после него люди удивлялись и строили догадки, почему столь высокопоставленному и заслуженному юбиляру Звезда Героя Социалистического Труда не была вручена своевременно, как это делалось с обыкновенными председателями колхозов, директорами совхозов, свинарками, доярками.

Очередь на вручение награды до нашего Героя дойдет не скоро. Это время - от награды до ее получения - будет заполнено самыми разными слухами, домыслами, догадками и сплетнями. А во время акта вручения Золотых Звезд городу-герою Минску и лично Петру Мироновичу придется ему пережить отвратительные минуты.

Петр Миронович ждал свою награду столько, сколько ее ждала Беларусь для своей столицы - города-героя Минска. Видите ли, Генсек был настолько занят, что не мог терять своего дорогого времени на такую мелочь, как вручение Звезд городу-герою и руководителю нации белорусов. И коню, как говорят, было ясно, что дело не в занятости Генерального, а в том, что

национальному Герою хотели показать и показали Властью отведенное место "под луною", которая может слегка подсветить, но никогда не согреет.

Поставьте себя на минутку на место мужественного, достойного, гордого, культурного и воспитанного Петра Мироновича и вы поймете, что творилось у него в душе.

Генсека встречали с невероятной помпой, как и должны были внешне встречать "величайшего деятеля современности" - оркестры, хоры, хлеб-соль, девчушки в национальном, море цветов в руках отдрессированных деток, партийно-советский актив всея Беларуси, переодетые курсанты школ КГБ и милиции. Все ждали чего-то наподобие Красного Солнышка, а в дверях спецвагона появился очень старый дед с невероятными бровями, одутловатым пепельным лицом и потухшими глазами и недоуменно спросил, как после рассказывали теле- и кинооператоры: "А где я?" Чтобы старик не свалился со ступенек, слуги в цивильном буквально вынесли его из вагона и поставили на неустойчивые старческие ноги. Было жалко смотреть на беднягу с пятью Звездами Героя на груди, и как-то само собой подумалось: может, тебе лучше было и не приезжать... Толпа встречающих ринулась к "дорогому", но тесное, в несколько рядов, кольцо привезенной с собой охраны сдержало натиск. По узкому коридору вышколенных молодцов, поддерживаемый под руки, старец дотопал до своего черного бронированного лимузина с затемненными окнами, с трудом сел в него, и водитель "дал газ". Встречающие понуро побрели к своим машинам, чтобы ехать в отель на казенный завтрак с подогревом.

...Не широкий, но весьма высокий совпартактив ожидал Генсека и нашего виновника торжества в гобеленном зале ЦК. В назначенный час они вышли из-за знаменитого гобелена и были встречены "бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию", как любили в те времена писать газеты. Когда установилась торжественная тишина, дед, подсасывая зубные протезы, что-то прошамкал по бумажке в том смысле, что он приехал и хочет "с чувством глубокого удовлетворения"... Последнее слово оказалось таким трудным для произношения, что мне опять стало жаль старого и больного человека, которого выставляют на глумление и посмешище. Хорошо, что его проворные ассистенты быстренько поднесли коробочку со Звездой, и тот непослушными пальцами долго-долго пытался прикрепить ее к пиджаку юбиляра. Видно было, что Петр Миронович чувствует себя очень неловко, но держится стоически. Наконец, с помощью ассистента звезду удалось надежно закрепить, и дед полез с поцелуями, и непременно в губы - была у

него такая привычка.

Со словами благодарности, как и предусматривалось сценарием, за исторический визит "верного ленинца" и "выдающегося деятеля", а также за непосредственное личное вручение высокой награды Петр Миронович по кремлевским канонам выступал по бумажке. Благодарственная речь по установленным правилам должна была перечислить все звания и обойму невероятных эпитетов в честь титулованной высшей персоны наивысшей власти и потому оказалась не только трафаретной, но и довольно приторной от излишней патетики и патоки.

- Я обещаю Вам, дорогой Леонид Ильич, что и дальше буду отдавать все свои силы... - сказал Петр Миронович, оторвавшись от текста.

- Что ты клянешься... посмотрим... время покажет, - перебил его Брежнев.

То ли присутствующие не раскумекали смысл сказанного, то ли приняли слова высочайшего за удачную, приятельскую шутку, но зал содрогнулся от бурных рукоплесканий...

Второй раз в тот день я увидел его в Театре оперы и балета на так называемом правительственном концерте, за который мы с министром культуры "отвечали головой". Чтобы мы не сплоховали в какой-нибудь ответственный момент и имели бы возможность любую погрешность своевременно выправить, посадили нас в первом ряду. Рядом сел и секретарь ЦК по идеологии и, между прочим, не промахнулся, потому что "цэу" его на том памятном концерте оказалось решающим. По центру в четвертом ряду сел высокий гость, а рядом с ним Петр Миронович. Второй и третий ряды заняли "медведи" в цивильном. Наши кресла оказались немного смещенными вправо от центра, и это давало возможность боковым зрением наблюдать и за гостем, и за хозяином. Перед концертом, когда в зале наступила относительная тишина, было хорошо слышно, о чем глуховатому старику говорит хозяин, но нельзя было разобрать, что шамкает гость, подсасывая протез то ли по необходимости, то ли по привычке. Мне показалось, что Петр Миронович с досадой и нетерпением ждет, когда концерт начнется. А за кулисами, как назло, медлили. А может, от напряжения секунды ползли так медленно. Да еще и кинотелекамеры - и свои, и московские - сфокусировали свое внимание на одной точке - в центре четвертого ряда.

Свет тем временем погас, оркестр заиграл торжественную увертюру, а когда открыли занавес, дед наш уже сладко спал, свесив голову на грудь, сиявшую золотым созвездием. Правда, на

приятный, усиленный радиоаппаратурой голос молоденькой ведущей проснулся. Но не надолго. Только пока артист патетически читал стихотворение-панегирик. На арии знаменитой оперной дивы опять закимарил. На шумном, залихватском народном танце проснулся и довольно громко спросил, будут ли танцы еще. Хозяин полушепотом заверил гостя, что танцы будут, и тот снова отключился. Но вот дали "Лявониху", и растерянный Петр Миронович не знал, что делать - будить или не будить, или пусть себе поспит, тем более что в полумраке зала не каждый этот конфуз видит. После танца, когда юные таланты заиграли на скрипочках, дед неожиданно поднялся и по слогам четко произнес:

- До-мой!..

Петру Мироновичу не без труда удалось усадить его на место. А секретарь по идеологии шепотом скомандовал бежать за кулисы и дать любой танец. Я заколебался, и он не без злости в голосе довольно громко прошептал:

- Та-нец!

Я оказался за кулисами, но изменить что-либо было невозможно. Танец не был "заряжен", а на выход стояла знаменитость с "Соловьем" Алябьева. Я вернулся и солгал шефу, что сейчас будет "Бульба". Тем временем над залом разлилась трель соловья, и Генсек опять поднялся. Зал удивился, соловей поперхнулся, а "дорогой" произнес громко:

- До-мой. - И уже совсем настойчиво. - Я хочу домой!

- Занавес! - скомандовал секретарь министру, и тот рванулся за кулисы.

Занавес накрыл "соловья". Зал зашумел от удивления, а Первый секретарь ЦК КПБ, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, П. Машеров с художником В. Громыко, артистом З. Стомой, композитором Ю. Семеняко, поэтом М. Танком, сгорая от стыда, под руки выводил из зала "ум, честь и совесть нашей эпохи". Совпартактив удивленно хлопал глазами и спрашивал сам у себя:

- Что, уже все?

Из театра Брежнева привезли в ресторан гостиницы "Юбилейная", чтоб под ее лучами и с ее благословения поднять чарку за город-герой Минск, который наконец получил свою заслуженную награду. Ну, а то, что получил ее через годы после "высочайшего" указа, - так лучше поздно, чем никогда.

Столы ломились от заморского и отечественного питья, которому соответствовала закусь. За столами уже сидело высшее чиновничество и страдало оттого, что дорогой гость где-то задерживается, а без него к трапезе нельзя было приступать. Потели и слезились бутылки, освободившись из ледовых камер.

Подтаивал ледок под шампанским. Балычки, охотничьи колбаски, полендвички, заливные язычки, салатики и прочие разносолы ждали своей незавидной участи.

Брежнева под руки привели в зал и посадили за длинный стол, который обычно называют "столом президиума" и за которым сидят только самые-самые во главе с наисамейшим. Пока наисамейший топал от порога к этому столу, челядь устроила овацию и, как мне казалось, не столько от "верноподданнических чувств-с", сколько от "предвкушения-с" привычного кайфа от напитков, закуски и речей.

Но до тостов и приветствий дело не дошло, хотя они не только предполагались, но и заранее писались. С помощью ассистентов-адъютантов гость встал на собственные ноги. Зал притих в ожидании речи. А Генсек неожиданно отодвинул в сторону бумажки и пошел на незамысловатый экспромт:

- Ну, что, товарищи, врежем?!

Зал завыл от восхищения человеческой простотой вождя и по его непосредственному примеру врезал до донышка. У огорченного и растерянного Петре Мироновича, видно, было уточняющее-алаверды, но произнести его он не успел, вождь старался подняться и, как тот знаменитый Органчик, о писанный Салтыковым-Щедриным, повторял:

- Домой... Я хочу домой!.. И не возражайте, если я хочу!..

Никто "не возражал". Петр Миронович отступил в сторону. Слуги почти вынесли недужного на свежий воздух. До железнодорожного вокзала кортеж с московскими гостями проводило высокое республиквнское чиновничество и представители от городов и районов. Остальные же, православные атеисты, проявив здравый смысл, остались в ресторане и пили до рассвета за себя и за того парня.

О самочувствии Петра Мироновича во время торжеств и после "высочайшего посещения" можно не говорить. Оно не принесло ему ни радости, ни светлых перспектив. Казалось, что пересуды, догадки, сплетни, анекдоты заполнили всю затхлую атмосферу провинции. Выстраивались невероятные предположения и проекты, даже такие, что дни Машерова на должности Первого "сочтены". Кому вся эта свистопляска была нужна, догадаться не трудно. Обывателя словно готовили к прощанию со своим героем.

Моральный террор из первопрестольной активизировался и усилился, когда Петр Миронович с государственным достоинством принял делегацию сенаторов конгресса США. Руководитель этой делегации, кстати, наш земляк из Слонима, возвратившись в Вашингтон, в ответе корреспонденту на вопрос,

кто может быть преемником престарелого Брежнева, будто бы сказал, что в Политбюро все архистарые. Есть, мол, там только один образованный, интеллигентный и еще не старый Петр Машеров из провинции.

Если этого на самом деле и не было, то могло быть выдумано в среде членов и кандидатов в члены Политбюро или в аппарате ЦК КПСС, где с нетерпением ожидались большие кадровые перемены, безусловно, разрабатывались сценарии этих перемен. Параллельно со сценариями придумывались и анекдоты про дурного Леню, в которых нередко фигурировал разумный Петр. История давно засвидетельствовала и сегодня подтверждает гениальность российского чиновничества в закулисных кадровых интригах.

Стоит вспомнить козни и совсем уж подлого характера, в форме вопроса: почему это Машеров не погиб во время ареста его немцами в 41-м? Почему это они только подержали его под арестом и отпустили?.. Такие сплетни, естественно, фиксировались службой и ложились на бумагу, а бумаги, вполне вероятно, поступали на стол объекту интриг.

А почему было и не дать понять "умнику", что он на крючке, как может попасться на крючок любой советский пескарик. Начнешь дергаться - и поплавок подскажет, что пора подсечь.

Думается мне, что отстранение от должности Петр Миронович как-то пережил бы. А пережил ли бы он безосновательную дискредитацию и собственную дегероизацию, сказать трудно, потому что был он не просто героем, а Героем национальным.

Знаю, и знаю точно, что последние месяцы перед своей гибелью на работе он как-то еще держался, а "дома был как в воду опущенный" - удрученный, задумчивый, замкнутый.

В августе 1980 года Петр Миронович был на торжествах в Алма-Ате. 28 августа телепрограмма "Время" крупным планом показывает Л. И. Брежнева. Его приветствует П. М. Машеров. И здесь происходит что-то беспрецедентное - генсек-маршал отворачивается с гримасой неприкрытого раздражения...

...В тот трагический день 4 октября 1980 года он наденет светлый костюм, которым раньше почти не пользовался. "Теперь я знаю, как меня будут хоронить", - скажет он сразу после своего юбилея. Что это? В шестьдесят лет человек предчувствует смерть? Готовится к ней? Знает, как торжественно-юбилейно произойдет это? Видит себя мертвым?

Хоронили красиво, но странно. Для сотен тысяч людей эта смерть стала трагедией, и они настояли на том, чтобы время доступа к гробу покойного было продлено. Для начальства - да

простит меня Бог, - это было мероприятие.

Странно, что из Политбюро и вообще из ЦК КПСС в адрес семьи покойного не поступило ни одного телефонного звонка, ни одной телеграммы соболезнования. Почему там забыли об элементарных приличиях, о которых уже на протяжении тысячелетий знает обычный хомо сапиенс? Что хотели сказать нелюдским молчанием?

Странно и то, что руководитель Республики, лидер нации погибает утром 4 октября, а народу об этом сообщают только 6 октября, хотя народ уже знает о случившемся благодаря зарубежному радио. Два дня республиканские газеты пишут о заготовке картофеля, освоении космоса, подготовке животноводческих ферм к зиме. "Советская Белоруссия" сообщает о заседании Совета Министров БССР, на котором был рассмотрен вопрос "О мерах дальнейшего укрепления материально-технической базы концертных организаций и творческих союзов". Молчат только о смерти П. М. Машерова. Почему? Надеются оживить покойного или скрыть сам факт его смерти?

Странно, что верховная власть запрещает выезд на похороны кандидата в члены Политбюро всем первым секретарям компартий союзных республик и те послушно соглашаются с таким греховным запретом. В конце концов, ведь не от проказы или чумы погиб их коллега?! Доступ к его гробу открыт... Лишь первый секретарь компартии Литвы П. Гришкявичюс скажет "Я похороню друга, а тогда пусть со мной делают, что хотят"! - и приедет в Минск. По собственной инициативе приедут еще космонавты-земляки В. В. Терешкова, В. В. Коваленок и П. И. Кпимук. От собственного имени семье покойного пришлет телеграмму пенсионер К. Т. Мазуров. Двурушники-криводушники из Политбюро подпишут некролог, в железобетонную форму которого вынуждены будут втиснуть следующее содержание: "...Перестало биться сердце пламенного коммуниста, известного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, вся сознательная жизнь которого была отдана делу строительства коммунизма. П. М. Машеров на всех участках работы проявлял творчество и инициативу в осуществлении политики партии. Его отличали беззаветная преданность великим идеалам коммунизма, огромная энергия и страстность в работе, партийная принципиальность и человечность, личное обаяние и скромность. Все это снискало ему признание, высокий авторитет в партии и народе".

- Правдиво?

- Правдиво.

Это и есть искусство криводушия.

Соболезнования от ЦК компартий, Верховных Советов и Советов Министров союзных республик также будут, но в основном без подписей руководителей этих высоких учреждений. И это уже вовсе не удивительно - раз на похороны нельзя поехать, то зачем же рисковать с собственными автографами? Правда, Д. Кунаев из Казахстана, А. Э. Воосс из Латвии и Э. А. Шеварднадзе из Грузии все же рискнут и подпишутся собственноручно.

Российское государство будет представлять председатель Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов, КПСС - секретарь ЦК по идеологии Н. В. Зимянин. Он произнесет казенную, трафаретную речь в духе обычного некролога и не более того, хотя был не только земляком покойного, но и считался побратимом по партизанско-комсомольским делам. Это был тот самый Зимянин, который десятилетиями завидовал П. М. Машерову, ревновал его к высокой должности и к которому у Петра Мироновича было весьма сдержанное отношение.

После похорон "...пламенного коммуниста, известного деятеля Коммунистической партии и Советского государства... партийная принципиальность и человечность, личное обаяние и скромность которого снискали ему..." и так далее - имя нашего Героя исчезнет из употребления так называемыми СМИ и не будет упоминаться лет десять.

Почему?

Было впечатление, что целая череда преемников его здесь, в "Северо-Западном крае России", боится тени своего предшественника, как черт ладана, в то самое время, когда обычные люди будут обкладывать его могилу тысячами пасхальных яиц...

Как когда-то писал Франциск Скорина, "тайна сія над розумам маім..."

...Петр Миронович любил слово "поистине". Мне и хочется закончить этот грустный рассказ словами: поистине неисповедимы пути твои, Господи!.. А то, что следствие ограничилось единственной версией трагической гибели П. М. Машерова, не только жаль, но и странно. Между тем, вернуться к иным, новым, проигнорированным версиям гибели Человека и сегодня и завтра не поздно.

Перевод с белорусского Ирины КОЧЕТКОВОЙ.